

[Георгий
Смирнов]

12+

Город
СИРИУС

Георгий Смирнов

Город Сириус

«Автор»

2020

Смирнов Г. К.

Город Сириус / Г. К. Смирнов — «Автор», 2020

Роман «Город Сириус» – лауреат Международной литературной премии имени Александра Зиновьева, это попытка автора синтезировать литературную форму и философское содержание. В небольшом городке-наукограде происходит череда загадочных самоубийств видных учёных. Выяснением причин происшествий занимается лучший следователь, который к тому же увлекается философией и разгадкой сложных головоломок. Все следы ведут в Сириус – созданный искусственным интеллектом виртуальный город-государство, в который в скором времени должна трансформироваться современная цивилизация. Что увидят участники событий в этом совершенном государстве, сможет ли оно сделать людей счастливыми, как увлечения следователя помогут раскрыть дело, – предстоит узнать читателю. Роман близок к таким произведениям, как "1984" Джорджа Оруэла, «Солярис» Станислава Лема, «Мы» Евгения Замятина и ряду других антиутопий. Вместе с тем он насыщен оригинальными сюжетными поворотами, философскими рассуждениями и не лишён иронии.

© Смирнов Г. К., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Полнолуние смерти	5
Глава 2. Визит в наукоград	9
Глава 3. Бег по следам потусторонности	18
Глава 4. Первая зацепка	23
Глава 5. Монстры подсознания	27
Глава 6. Роковая женщина профессора Кеплера	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Георгий Смирнов

Город Сириус

Глава 1. Полнолуние смерти

Человек смертен, и его единственная возможность стать бессмертным состоит в том, чтобы оставить после себя нечто бессмертное.

Уильям Фолкнер

Осенняя ночь медленно опускалась на небольшой городок-наукоград, погружая его во власть первого дня фазы полнолуния. По древним поверьям, это был период наивысшей активности различных тёмных сил и энергий.

Огромная луна холодным блёклым свечением озаряла кромку дремучего леса, окружавшего городок. Вокруг стояла гробовая тишина. Лишь изредка её нарушали уханье совы да вой шакала. Стая летучих мышей, облетев опушку, растворилась во мраке ночи.

Густой зловещий туман окутал поляну. Озаряясь тусклыми лучами мертвенно-бледной луны, он переливался особым потусторонним свечением. Казалось, будто бы внутри него в своём дьявольском ритуальном танце кружат невидимые злые сущности.

Вдруг полумрак опушки, словно тонким лезвием, пронзила яркая искра, затем вспыхнуло пламя, которое очертило загадочный символ в виде круга со знаком бесконечности внутри. Свет костра озарил три человеческие фигуры, стоящие вокруг таинственного горящего символа на равноудалённом расстоянии. Люди были одеты в длинные балахоны, которые, подобно ветвям плакучей ивы, свисали вниз почти до земли. Лица участников таинства прикрывали огромные капюшоны, спущенные практически до подбородка. Пустые и безликие глаза, какие бывают у людей-зомби, смотрели вниз.

Все трое взяли друг друга за руки и начали хором произносить слова на неизвестном языке, чем-то напоминающем латынь. В какой-то момент в руках одного из участников ритуала сверкнул нож причудливой формы в виде того самого символа, по контурам которого пылало пламя.

Каждый поочерёдно перерезал вены на запястье человека, стоящего от него слева. После этого они снова взяли за руки и опустили на колени. Все движения были крайне выверены и синхронны, словно они совершались не людьми, а марионетками, нити которых двигала какая-то невидимая дьявольская сила.

Из зияющих ран струилась кровь. По извилистым желобкам почвенного покрова земли она медленно стекала в большую ало-багровую лужу, которая символически объединила в себе их кровавую плоть. Словно в разбитом зеркале, в ней отражались искривлённые лики участников таинства...

Прошло время. Ночь, полная сакральной энергии, сменилась ранним промёрзлым утром. Оно, словно требовательный художник, недовольный своим творением, лёгкими мазками смыло с поляны краски мистики и романтизма, обнажив мрачную картину фатальной бренности человеческого бытия, картину, которая и предстала перед взором приехавшей на место происшествия следственной группы.

Трое мертвецов в балахонах сидели на коленях со склонённым вперёд туловищем, образуя замкнутый круг. Руки каждого из них были плотно сомкнуты с руками соседа. Рядом с одним из трупов лежал окровавленный нож. На запястьях всех троих виднелись потёки крови.

Над умершими склонились сотрудники следственно-оперативной группы. Они вели фотосъёмку, с помощью кисточек, люминесцентных ламп и другого оборудования отыскивали

следы и сухим криминалистическим языком описывали их в протоколе. Около каждого следа стояла табличка с порядковым номером.

Группу правоохранителей возглавлял худощавый мужчина среднего роста, лет сорока от роду, которого звали простым русским именем Григорий. Однако за философский склад ума и любовь к древнегреческой мудрости коллеги шутливо называли его Григориусом. В переводе с греческого Григорий означало «шустрый». Будто оправдывая семантическое значение этого имени, его обладатель постоянно проявлял несдержанную инициативность и недюжинную активность. Делал он это всегда и везде, даже там, где подобные качества были совсем неуместны, а порой оказывались и вредны. Однако в некоторых случаях именно они, вкуче с профессиональной дотошностью и назойливостью, приводили к раскрытию неочевидных, сложных и запутанных преступлений, в чём Григориус за долгие годы службы откровенно поднаторел.

Вот и на этот раз, несмотря на очевидные признаки самоубийства, шустрый следователь сразу же предположил инсценировку и начал упорно искать сторонников своей маловероятной версии среди членов следственно-оперативной группы. Первым под пресс его убеждений попал эксперт-криминалист. Это был мужчина предпенсионного возраста, с уже слегка заторможенными и замедленными, но всё ещё достаточно выверенными движениями. Он давно прошёл тот этап профессионального пути, когда хочется свернуть горы в криминалистике и проверять все, даже самые бредовые, экзотические и невероятные версии. Жизнь давно заставила его опираться только на голые факты. Иными словами, эксперт не пожелал искать чёрную кошку в тёмной комнате, исходя из того, что раз её не видно невооружённым взглядом – значит её там нет, поскольку иначе она бы дала о себе знать.

Тем не менее, даже зная характер и жизненные установки этого ворчливого человека, следователь отвёл его в сторону и принялся атаковать своими неубедительными сомнениями и пустыми доводами.

– Ну, что скажешь? – задумчиво спросил Григориус.

– Классический случай ритуального самоубийства, – уверенно ответил эксперт.

– А инсценировку исключаешь?

– Сам посуди. Местечко пустынное, накануне шёл небольшой дождь, поэтому следы на влажной почве отобразились отчётливо. Все они принадлежат этим трём чудачкам да грибнику, который случайно забрёл сюда и обнаружил их. Больше здесь никого не было.

– А протекторы автомобиля поблизости искал? Может, их сюда привезли уже мёртвыми.

– Обижаешь, конечно, искал. Всё чисто, никаких транспортных средств здесь накануне точно не было. Смерть всех наступила примерно в одно и то же время – 5–8 часов назад. Видимых признаков насилия на телах умерших, кроме порезов в области запястий, не обнаружено. Характер и локализация кровоподтёков соответствуют положению тел в момент наступления смерти. Так что инсценировка самоубийства полностью исключается. Все следы указывают на то, что они добровольно убили друг друга.

– Хорошо, а мотивы? – переспросил следователь.

– А мотивы поищи сам. Наверное, какие-то сектанты, наркоманы или сумасшедшие.

– Ты прав, всё указывает на самоубийство. И всё же что-то мне подсказывает, что здесь не всё так гладко, как кажется, – неуверенно пробормотал следователь в последней робкой надежде посеять хоть одно зерно сомнения в почву сухих и рациональных выводов эксперта, в которых оно явно бы не проросло.

– Брось, выноси отказной и не заморачивай себе голову, – небрежно кинул эксперт и, сплюнув через левое плечо, направился паковать свой чемоданчик, чтобы побыстрее покинуть этот дьявольский маскарад.

Увидев бесперспективность дальнейшего общения с экспертом и желая найти хоть какую-то поддержку своей версии о жестоком убийстве, инсценированном под некриминаль-

ное событие, – следователь подошёл к стоящему неподалёку и выкуривающему уже четвёртую сигарету подряд оперативнику. Это был крупный мужчина плотного телосложения, с небольшим, слегла свисающим пивным животом. Ранее он профессионально занимался греко-римской борьбой, даже был чемпионом города в тяжёлом весе, однако после того, как достиг зрелого возраста, а с ним и прилично отошёл от пика физической формы, беспощадный Бог Олимпа отбросил его на задворки спортивной карьеры; затем мужчина, немного погоревав, не мудрствуя лукаво, подался работать сыщиком. Звали оперативника Валерий, однако за ним плотно закрепилось прозвище Валерьян. Произошло это не только и даже не столько благодаря аудиальной созвучности его клички с именем, а потому что мужчина имел настолько неординарно brutальный вид, что в ходе допроса ввергал не желающих откровенничать с ним подозреваемых в состояние шока, который для особо мнительных злодеев порой заканчивался даже обмороком, после чего бедняг приходилось отпаивать валерианой, пузырёк с которой он постоянно носил с собой на всякий случай. Таким образом, его успокаивающее прозвище, с одной стороны, гармонировало с его именем, а с другой – не менее органично вступало в диссонанс с его экстравагантной внешностью.

Возможно, в силу своих солидных габаритов и природной нерасторопности, а может быть, просто из-за того, что стояло раннее пасмурное утро и организму ещё хотелось спать, Валерьян, как и предпенсионный эксперт, не горел пламенным желанием совершать лишних телодвижений, а только стоял на одном месте и молча потягивал папиросы.

Однако Григориус не был бы самим собой, если бы так просто позволил оперативнику покинуть кровавое место с тремя ряженными трупами, даже нисколько не усомнившись в некриминальном характере наступления их смерти. Неугомонный следователь подошёл к сыщику и аккуратно затянул с ним непринуждённую беседу:

– А ты-то что думаешь, друг мой Валерьян? Всё-таки самоубийство?

– К бабке не ходи – оно, – перекрестившись и словно не замечая подтекста вопроса, ответил оперативник.

– Вроде и похоже, но, с другой стороны, и совсем непохоже, – иронично пофилософствовал любитель древней мысли.

Сыщик в ответ промолчал, бросив на следователя растерянный взгляд. Поняв, что тонкая мудрость шутки пролетела мимо грубых категорий мышления успокоительного оперативника и он не уловил сокрытого в ней намёка, – следователь решил выразить свою мысль более конкретно и чётко.

– Всё-таки перед вынесением отказного надо бы проверить версию об инсценировке самоубийства, докопаться до мотивов их поступка. Знаешь что, а наведи-ка ты справки об умерших, кем они были, чем занимались. А ещё съезди после обеда к медикам и попроси у них сделать экспресс-тест на алкоголь и наркотические вещества в крови мертвецов. А ещё...

– Сделаем, – с неохотой, сквозь зубы проговорил сыщик, бросая на землю едва прикуренную сигарету и второпях покидая место происшествия, пока пребывающий в утреннем ударе следователь не озарился новой идеей о том, как ещё можно проверить его версии, и не загрузил его новыми поручениями.

Оставшись без группы поддержки, Григориус ещё немного поблуждал вокруг да около мертвецов, убедился, что ничего в обстановке не ускользнуло от его въедливого взгляда, и, обернувшись к врачам, стоящим возле карет скорой помощи, скомандовал: «Мы закончили! Увозите!» – после чего второпях сел в автомобиль и вслед за своими коллегами покинул это богом забытое место.

Между тем взошло солнце. Оно озарило опушку ярким светом. Туман, окончательно рассеявшись, унёс с собой последние штрихи мрачных зарисовок томного пейзажа брэнности человеческого бытия.

Лесная полянка, избавленная от следов присутствия человека, снова наполнилась первозданным блаженным благоговением, словно и не было этой страшной ночи костюмированного бала заблудших душ.

Наукоград проснулся и, как разворошённый муравейник, начал жить своей суетливой будничной жизнью.

Весь этот день следователь был не в себе от увиденного. Его беспокоила совсем не жуть кровавого зрелища. Похожие пейзажи с морем крови, устрашающими орудиями убийства и мёртвыми телами, хотя и в менее экзотической форме, в силу своей профессии он наблюдал нередко. Его воображение поразила сама суть произошедшего. «Могли ли здравомыслящие люди добровольно пойти на такое? Или их подтолкнули к смерти? И главное – кто или что это сделал или сделало?» – неустанно спрашивал себя следователь.

Таких случаев в его практике ещё не было. Конечно же, он сталкивался с преступлениями, в которых присутствовали едва уловимые лирические нотки мистики и оккультизма, однако все они вполне укладывались в рамки рационального восприятия мира. В этом же случае всё было совсем иначе. Нечто взвешенное, потустороннее ощущалось в хитросплетениях произошедших трагических событий.

Добравшись до своего кабинета, следователь без сил опустился в мягкое удобное кресло, закрыл глаза и впервые за этот день смог расслабиться. Скинув накопленный груз негативных эмоций, который, словно мощный пресс, вдавливал его разум в лоно безысходной неизвестности, – он предпринял попытку порассуждать логически. Неустанно перебирая в голове все известные ему по предшествующему опыту оккультные преступления, его цепкое мышление искало хоть какое-то сходство между ними, чтобы ухватиться за малейшие ниточки, которые могли бы привести к заветному клубку разгадки тайны странных самоубийств.

Особенно в память врезался случай, когда подозреваемый с помощью гипноза похитил из ювелирного магазина украшения. Этот хитрец передал кассиру несколько обычных бумажек, на которых от руки были нанесены некие номинальные суммы в рублях, и сумел внушить, что бумажки эти – настоящие деньги. Однако из общения со специалистами – научными сотрудниками НИИ – ему было известно, что настолько глубоко загипнотизировать человека в бытовых условиях практически невозможно. Все учёные в один голос утверждали, что тот случай был исключением, но не правилом. Фактически только один из нескольких миллионов людей в силу особенностей психического развития мог быть подвержен подобному воздействию. И если даже предположить, что все трое, лишивших себя жизни, случайно попали в этот ничтожный процент, то вероятность того, что они, помимо всего прочего, оказались знакомы друг с другом, вообще была равна один на миллиард. Такое совпадение казалось рационально невозможным даже на уровне случайности.

Его рассуждения прервал настойчивый стук в дверь.

– Войдите, – строго сказал Григориус.

На пороге показался Валерьян. Он подошёл к столу, небрежно положил на него какие-то документы и, в недоумении почёсывая голову, обратился к следователю.

– Навели справки о личности умерших. Как ни странно, на учёте в психдиспансере и наркодиспансере не состоят.

Наоборот, люди солидные. Учёные, можно сказать, с мировым именем. Работали в наукограде неподалёку от места происшествия. По результатам экспресс-теста ни алкоголя, ни наркотических веществ в крови не обнаружено. И что толкнуло столь уважаемых людей на этот странный поступок...

– Вот и выясним, готовы оперативную группу на выезд. Едем в наукоград.

Глава 2. Визит в наукоград

Науки юношей питают, отраду старцам подают, в счастливой жизни украшают, в несчастный случай берегут...

Михаил Ломоносов

Наукоград представлял собой раскинувшуюся на многие километры, огороженную высоким забором территорию, на которой несколько упорядоченно, но вполне складно и даже гармонично располагались разноцветные здания и сооружения причудливой формы, скульптуры и инсталляции различных футуристически-авангардных стилей и направлений. Всё это разнообразие цветов и форм будоражило воображение даже искушённого архитектурными изысками человека. Воздух вокруг – и тот был пропитан атмосферой науки и творчества.

Городок был разбит на три сектора – научно-исследовательский, образовательный и административный. Самым протяжённым по территории был научный сектор. Он в свою очередь делился на кластеры. Погибшие учёные работали в кластере научных исследований искусственного интеллекта и нейрофизиологической инженерии.

Доступу в научный сектор был присвоен наивысший уровень защиты. Связано это было не только с тем, что в некоторых лабораториях этого кластера и проводились секретные научные исследования, и ставились опыты с опасными веществами, которые даже в малом количестве могли несколько раз стереть с лица земли всё живое. Сам по себе процесс развития фундаментальной науки, предполагающий проникновение в глубинные тайны мироздания, виделся настолько интимным и сокровенным, что исключал всякое присутствие людей неизбранных и непосвящённых.

Процедуры согласования допуска, а также оформления пропусков заняли у Григориуса и его коллег некоторое время. И вот, когда все бюрократические формальности остались позади, автомобиль следственно-оперативной группы вальяжно подъехал ко входу в здание научных исследований искусственного интеллекта и нейрофизиологической инженерии.

– Ну что, братцы, идём ворошить это осиное гнездо адептов науки? – с улыбкой произнёс один из оперативников, подняв руку с воображаемым пистолетом и изобразив жест агента 007.

Его коллеги громко рассмеялись. Услышав шутку с крайне специфическим юмором, близким лишь представителям правоохранительных органов, который мог бы быть не понят людьми из научного сообщества, – следователь, находившийся на пассажирском сиденье рядом с водителем, обернулся назад и строгим взглядом осмотрел оперативников. В их лицах читался целый букет эмоций – предвкушение встречи с людьми творческой профессии, азарт, решимость. Было очевидно, что правоохранители, словно быки, готовые в любую минуту сорваться на красную тряпку матадора, рвались в бой.

– Друзья, подождите меня в машине, я вызову вас, когда нужно будет, а то нахождение в здании такого количества доброжелательных людей с интеллигентными лицами может вызвать панику у представителей научной общественности, – расстроил их следователь, примерив на лицо гримасу натянутой улыбки, после чего вышел из автомобиля и направился ко входу в здание.

У лестницы его уже ожидал одетый в дорогой костюм почтенный мужчина средних лет интеллигентного вида, который заблаговременно был оповещён о визите следователя службой безопасности наукограда.

– Добрый день, я – начальник управления научных исследований наукограда. Меня зовут Даниил Собакин. Чем обязан визиту столь уважаемых гостей? – спросил он.

– Здравствуйте, я расследую факт смерти ваших сотрудников, и мне нужна информация.

– Ах, этих... понял, о ком вы, видел по телевизору. О, это так ужасно, – произнёс Собакин с откровенно наигранными чувствами удивления и сожаления.

– Что можете сказать? Чем они занимались? Замечали ли вы в последнее время что-то странное в их поведении?

– Занимались они разработкой программного обеспечения для оборудования, исследующего структуру коры головного мозга. Один из них программист, второй – нейрофизиолог, третий – психиатр и специалист по нейролингвистическому программированию. Больше ничего не знаю. Если хотите моё личное мнение, то извините за бестактность, но я не удивлён тем, что они покончили с собой, – с несколько демонстративной надменностью произнёс Собакин.

– А откуда вы знаете, что они покончили с собой? По новостям прошла информация лишь о том, что обнаружены тела. Версию о самоубийстве мы не озвучивали, – перебил собеседника следователь в надежде на то, что наконец-то нащупал ту самую ниточку, которая ведёт к разгадке тайны мистических самоубийств.

– Да и так понятно, что, судя по этим балахонам и кострищам, увлеклись оккультизмом, на почве этого сошли с ума и совершили самоубийство, – невозмутимо парировал собеседник.

– Можете подробнее?

– Странные были люди. Жён и детей ни у кого не было. Фактически наука заменила им семью. Общались только друг с другом, больше ни с кем. Чтобы постоянно быть вместе, попросились в один кабинет, хотя каждому полагался отдельный. Так увлеклись исследованиями, что часто даже ночевали на рабочем месте, мы им кушетки поставили. Спали они обычно мало, от силы часа два-три, а в последние дни, по-моему, вообще не ложились спать. Сторож даже объяснительную писал после того, как какой-то бдительный человек, увидев в их окне свет и странные движения, позвонил в полицию. Думаю, что умственные перегрузки и стресс сделали своё дело – подорвали психику. Наверняка с ума посходили. К тому же, вероятно, увлеклись ещё каким-то оккультным учением о переселении душ или тому подобным. Сами знаете, сколько сейчас у нас этой ереси и как она овладевает умами людей. Кстати, руководитель научной группы – Николай – всегда был, мягко говоря, человеком со странностями. Всерьёз рассуждал о бессмертии людей и идеальном обществе.

– Идеальном обществе? В каком смысле идеальном? – переспросил следователь.

– Помните, наверное, из курса философии утопические идеи о государстве всеобщего благоденствия, справедливости, равенстве всех, ну и так далее? В общем, сказки... я бы сказал даже – бред воспалённого сознания философов.

– Помню такие. Я тоже в юности любил философию и увлекался этими идеями. Они и меня завораживали. По-вашему, я тоже странный человек и должен кончить жизнь таким же образом?

– Ну вы-то наверняка понимали, что всё это недостижимо как минимум в силу корыстной, эгоистичной и собственнической природы человека. Какое может быть равенство и всеобщее благоденствие, пока люди обладают этими порочными качествами. А потом... одно дело – просто увлекаться теориями, как вы, и совсем другое – быть одержимым ими, как он. Все обратили внимание на ту маниакальную ненависть, которая возникала в его взгляде, когда кто-либо пытался доказать, что всё это лишь плоды извращённого философствования.

– Пожалуй, соглашусь с вами в том, что есть большая разница между одержимостью и увлечением. Мне нужно осмотреть их кабинет, вы проводите к нему?

– К сожалению, сейчас мы не сможем попасть туда, у меня нет кода двери кабинета, – с наигранным огорчением произнёс управляющий. – У нас, знаете ли, здесь почти режимный объект, всё на кодах, паролях, электронных карточках. Ну ничего, я сейчас же запрошу код у администрации наукограда, и, как только они мне сообщат его, мы сможем осмотреть кабинет.

– Жаль, придётся вызывать коллег и ломать дверь, – решительно ответил следователь и демонстративно потянулся за рацией.

– Не надо! – крикнул Собакин. – Сейчас решим эту проблему. Честно говоря, у меня есть пароли ко всем кабинетам нашего здания. Я получил их, так скажем, не совсем официально для того, чтобы случись что... например, пожар, потоп или ещё какое ЧП... оперативно отреагировать. Знаете же, какие учёные рассеянные, то прибор забудут выключить, то воду.

С этими словами Собакин залез во внутренний карман пиджака, вытащил из него записную книжку и начал пролистывать её.

Сквозь его неспешные аристократические движения Григориус увидел, как на одной из страниц мелькнул знакомый символ в виде круга с горизонтально расположенной восьмёркой внутри. Шустрый следователь мгновенно вцепился в тонкие пальцы Собакина, сжав их с такой силой, что они захрустели в фалангах. Не позволяя им перелистнуть страницу, он принялся рассматривать изображение. Под символом небрежным почерком была нанесена дата, которая соответствовала дню, предшествующему гибели учёных. Ниже неё указывалось время – 12.00.

Собакин поначалу скорчился от боли. Однако, невольно опустив взгляд вниз и увидев, что изображено на открытой странице, он мгновенно обомлел и изменился в лице. Его глаза выражали неподдельный страх и ужас.

– Точно такой же символ был обнаружен на месте гибели учёных. Что он означает и какое отношение вы имеете к нему? – грозно спросил следователь, почувствовав, что наконец вцепился за важную ниточку, которая приведёт его к большому клубочку хитросплетений этого загадочного преступления.

Следователь знал, что в подобных случаях надо действовать стремительно, так как под действием стрессовой ситуации невольно запускается активный процесс мозговой деятельности, при котором значительно усиливается фантазия, из которой, словно из покачнувшейся переполненной водой чаши, начинает небрежно выплёскиваться наружу поток надуманных отговорок и оправданий. Вместе с этим стресс снижает и уровень критики. Поэтому родившиеся с ходу версии зачастую бывают маловероятны и неправдоподобны. В такой ситуации крайне важно не дать обманщику время на то, чтобы сопоставить вымышленную информацию с реальными фактами, скорректировать и усилить логическую связь между ними. Дабы избежать этого, Григориус резким командным голосом поторопил Собакина с ответом. Однако, похоже, было уже поздно. Мозг Собакина работал настолько быстро, что он к этому времени уже принял серьёзный вид и начал давать конкретные и на удивление вполне внятные пояснения.

– Этот странный знак я как-то раз случайно увидел на бумажке, лежавшей на столе у Николая. До назначения на руководящую должность я работал учёным-криптографом¹ и по роду деятельности интересовался различными символами, эмблемами, обозначениями и зашифрованными в них тайными смыслами. Вот и этот знак увлёк меня. Не получив от Николая внятного ответа на вопрос, что он означает, я перерисовал его себе в блокнот и начал искать информацию о нём во всевозможных научных, околонаучных и даже ненаучных источниках.

– И что, нашли?

– В подобном сочетании символ не встречался ни в одном из известных учений. Если брать по-отдельности, то оба они, в сущности, означают одно и то же – бесконечность, отсутствие границ, неподвластность какому-либо измерению. Только знак горизонтальной восьмёрки обычно символизирует земную бесконечность, тогда как круг – космическую или вселенскую. Получается, что этим символом обозначена некая связь земли и космоса на уровне бесконечности. Полагаю, что суть оккультного учения моих умерших коллег как раз и сводилась к тому, чтобы через самоубийство перейти из одной формы необъятности в другую. Вот вам и готовый мотив их поступка.

---

¹ Криптография – наука, изучающая методы шифрования информации, то есть обратимого преобразования открытого (исходного) текста на основе секретного алгоритма или ключа в зашифрованный текст (шифротекст)

– Хорошо, допустим так. А что означают эти дата и время? – поинтересовался Григориус.

– Сейчас уже не припомню, вероятно, я случайно записал на этом листке информацию о каком-то нашем внутреннем мероприятии. Возможно, проводил рабочее совещание или ещё что. Но символ никак не связан с этими цифрами, – уверенно ответил Собакин.

Следователь усомнился в его словах, поскольку было видно, что символ и числа были написаны одной и той же синей ручкой с достаточно редким фиолетовым оттенком, однако фактов, достаточных для того, чтобы вывести лжеца на чистую воду, у него было.

Разочарованный неспособностью противопоставить железным доводам чиновника никаких убедительных контраргументов, следователь наконец ослабил свою мёртвую хватку. Собакин тут же выхватил покрасневшую руку и, немного потеряв её, продолжил листать записную книжку, остановившись на странице, где в столбик были записаны номера кабинетов, напротив которых виднелись четырёхзначные цифры.

– Да, вот они и есть – те самые коды от дверей, – произнёс Собакин с безобидной, слегка ехидной улыбкой, будто бы и не было тех неприятных минут словесного поединка, когда он, подобно загнанному в угол ринга боксёру, находился на грани нокаута.

С чувством потаённой обиды друг на друга, однако натянутой улыбкой мужчины направились в сторону кабинета учёных по длинному извилистому коридору, увешанному портретами известных научных деятелей прошлого и настоящего, а также плакатами со сложными и непонятными схемами, чертежами и формулами. Периодически путь им преграждали массивные двери, которые отпирались путём введения пароля или приложения к считывающему устройству специальной идентификационной карты, которая висела на шнурке, надетом на шею Собакина.

Пока они шли к кабинету, следователь погрузился в себя и начал раскладывать по полочкам логического мышления состоявшийся диалог с Собакиным. «А он не так прост, как кажется... умный, гибкий, изворотливый, умеет держать удар и давать сдачу. Очевидно, что знает гораздо больше, чем сообщил. Расколоть такого с ходу не получится. Ну ничего, пусть даст мне ещё хоть один повод, ещё одну зацепку, я быстро выведу его на чистую воду. Говорить он любит, а у таких разговорчивых обычно проскальзывают случайные проговорки, противоречия с ранее сказанным, повышенный интерес к определённой теме... Стоп. Явный интерес к одной теме он уже проявил... Постоянно и навязчиво пытался навести меня на мысль, что произошедшее – это банальное самоубийство по религиозным мотивам. Даже собственную трактовку этого таинственного символа подбрасывал, чтобы у меня не возникло сомнений. Какую тайну он хочет прикрыть этим мотивом... а главное – зачем ему всё это?..»

Размышления следователя прервал звонкий голос Собакина:

– Ну вот мы и пришли.

Управляющий несколько раз ткнул пальцем в миниатюрный дисплей, встроенный в дверь кабинета учёных, и она отворилась.

Помещение представляло собой небольшую комнату в форме правильного восьмиугольника. Однако то, во что были превращены его интерьеры видными учёными, скорее напоминало не рабочий кабинет, а жилище холостяков, в которое много лет не ступала нога женщины. Повсюду были разбросаны личные вещи, хаотично смешанные с приборами и книгами по программированию, нейропсихологии, компьютерной и научно-исследовательской технике.

На рабочем столе, неподалёку от компьютера, одиноко стояли три недопитые чашки, вокруг которых виднелись крошки от хлеба и другие остатки пищи.

– А туалет у вас где? – спросил следователь.

– В противоположной стороне коридора. Пойдёмте, я вас провожу, а то там на пути ещё одна кодовая дверь.

– Спасибо, мне не надо, – ответил следователь.

Вопрос этот был неслучайным. Вокруг стоял характерный неприятный запах, который наводил следователя на мысль о настолько полном и безоговорочном погружении учёных в своё исследование, что помещение это, как он полагал, без тени смущения могло быть изредка использовано даже в качестве места для отправления естественной нужды, дабы длинный путь в другой конец коридора, который в порыве творчества мог показаться вечностью, не прерывал высокий полёт научной мысли.

Даже сообразительный Собакин, увидев эту удручающую обстановку, в какой-то момент растерялся и, удивлённо озираясь по сторонам, безуспешно пытался понять, что здесь могло произойти и как наиболее корректно, нейтрально и правдоподобно объяснить это мракобесие следователю.

– Извините, здесь небольшой творческий беспорядок, – выдавил он, не найдя ничего более подходящего.

– Я вижу. У вас тут что, не убираются?

– Вообще у нас убираются, но они, по всей видимости, отказались от уборщицы. Такое у учёных часто практикуется, дабы избежать любого контакта посторонних с оборудованием, веществами, ну и вообще, чтобы никто не перестраивал их привычную рабочую обстановку. Но тут, я согласен, небольшой перебор. Честно говоря, я не заходил в этот кабинет после того, как выделил им его.

– Это заметно.

Посередине кабинета стояли три кушетки. Они располагались по кругу таким образом, что изголовья примыкали друг к другу, в результате чего напоминали гармонично упорядоченные лепестки лотоса, одиноко стоящего посреди поля хаоса и беспорядка.

На одной из кроватей лежали два шлема, похожие на велосипедные. Следователь взял один из них и внимательно рассмотрел. Видно, что шлем переделан. На внутренней его стороне, в области, прилегающей к теменной и затылочной частям головы, в головной убор были вмонтированы небольшие электроды, а в защитное стекло встроено миниатюрный жидкокристаллический монитор.

Увидев в руках Григориуса шлем, Собакин заметно занервничал и в несвойственной ему, почти командной манере заявил:

– Прошу вас, не трогайте его! С этими предметами стоит быть поосторожнее!

– Почему? Что это за приборы такие?

– Это дорогая и очень хрупкая научная техника, которая не терпит неквалифицированного обращения. Позвольте, я заберу его у вас.

С этими словами Собакин жадно протянул дрожащие руки в сторону шлема, однако настороженный его поведением следователь отреагировал на странный жест и убрал прибор.

– Нет уж, всю технику мы изыщем, изучим, а потом уже, если она не относится к делу, вернём вам.

– Это невозможно. Техника является собственностью наукограда, а шлемы – это опытные образцы, которые к тому же составляют коммерческую тайну. Пожалуйста, не забирайте хотя бы их.

«Почему он так не хочет, чтобы эти странные головные уборы попали к нам? Возможно, они действительно представляют научную или материальную ценность... и он как хозяйственник опасается, что мы повредим их? Или они имеют какое-то отношение к смерти учёных? А может быть, этот хитрец таким образом пытается отвлечь моё внимание от каких-то важных улик? Ладно, разберусь с этим позже, но шлемы однозначно нужно изымать», – подумал следователь, взял рацию и вызвал оперативников, томившихся в служебном автомобиле в ожидании своего звёздного часа.

Увидев, что взволнованный Собакин издали съедает своим пристальным взглядом то один, то другой шлем и нервно потирает мокрые от пота ладошки, – следователь решил

немного разрядить обстановку и как-то успокоить сердобольного хозяйственника. Правда, сделал это в свойственной ему довольно специфической форме, а именно – с помощью откровенно дежурных фраз:

– Гражданин, не беспокойтесь вы так за сохранность имущества. Мы всё тщательно опишем, аккуратно опечатаем, выдадим вам бумагу об изъятии и будем беречь ваше оборудование лучше, чем собственное, – произнёс Григориус и, осмыслив сказанное, едва сдержал себя от смеха.

Продолжив осмотр, следователь обнаружил на потолке около двери камеру видеонаблюдения.

– Рабочая? – спросил он Собакина.

– Должна быть рабочая. У нас в каждом кабинете ведётся видеонаблюдение. Таковы требования регламента организации... в целях безопасности, – ответил управляющий.

– А где находится серверная?

– На втором этаже.

В комнату зашли двое мужчин из оперативной группы. Следователь прямо с порога загрузил их поручениями:

– Мне нужно двое понятых, чтобы поставили подписи в протоколе осмотра помещения, а ещё – чтобы один из вас пошёл в службу безопасности на втором этаже и изъясил запись с камеры видеонаблюдения этого кабинета. Не терпится увидеть, что происходило здесь накануне.

– Если это возможно, то одну подпись могу поставить я, – вызвался помочь Собакин.

– Отлично, нужен ещё один понятый. Я слышал голоса в соседнем кабинете... сходи, приведи ещё одного человека, – попросил следователь одного из оперативников.

Тот вышел, а спустя пару минут вернулся с худощавой невысокой женщиной с рыжими волосами и короткой, почти мальчишеской стрижкой.

– Здравствуйте, вы привлекаетесь для участия в осмотре данного помещения в качестве понятый. Прошу внимательно следить за происходящим и по окончании следственного действия удостоверить факт обнаружения и изъятия предметов и документов, – быстро и неразборчиво протараторил следователь, принимаясь за рутинную работу по описанию обстановки, поиску отпечатков пальцев, веществ-наслоений и других следов.

Григориус надел латексные перчатки, подошёл к столу и осмотрел лежащие на нём бумаги, после чего направился к стоящему в углу сейфу, взялся за ручку дверцы и потянул её на себя. Сейф оказался не заперт, но пуст.

– Странно, я нигде не вижу тетради с записями о ходе и результатах научных исследований. Разве учёные не должны вести подобные документы? – удивлённо спросил Григориус.

– Согласно регламенту тетрадь научных исследований в обязательном порядке выдаётся руководителю научной группы, который несёт за неё ответственность и должен хранить её в сейфе, так как содержащиеся в ней сведения составляют коммерческую, а частично и государственную тайну.

– А почему сейф пуст и куда делась тетрадь?

– Видите ли, я много раз просил Николая, чтобы он зашёл ко мне и получил её, однако ему постоянно было некогда. Просто так принести тетрадь ему в рабочий кабинет и отдать я не мог, потому что это документ строгой отчётности. Каждый учёный должен расписаться за его получение в специальной книге, выносить которую за пределы кабинета строго запрещено. Кроме того, я знал, что даже если занесу Николаю тетрадь под честное слово, – он не придёт расписываться, а случись какая проверка – сами знаете, что мне могло бы быть за нарушение режима секретности. Поэтому тетрадь вопреки требованиям регламента не велась, но я ничего не мог поделать, Николай сам виноват, что остался без неё, – снова убедительно выкрутился Собакин.

– Что вы такое говорите? Тетрадь научных исследований у него была, я сама видела её в руках Николая, – неожиданно заявила понятая.

– Вероятно, это была какая-то другая тетрадь, – настойчиво парировал Собакин, бросив на женщину злобный взгляд.

– Ладно, разберёмся, – разнял понятных следователь и продолжил свою работу.

Закончив осмотр, Григориус подозвал оперативников и поведал им план дальнейших действий: «...так, изымаем компьютер и остальное оборудование. Работаем очень аккуратно. Оборудование дорогое и хрупкое. Бережно упаковывайте его, опечатайте и грузите в машину. Компьютер везите сразу к спецам, пусть изучат, что на нём есть. Да, предварительно проверьте их форму допуска к государственной тайне и возьмите расписку о неразглашении, а то на нём может быть секретная информация. А шлемы прямиком грузите в мой сейф, никакой камеры хранения доказательств».

Дав ценные наставления коллегам, Григориус обратился к женщине, которая участвовала в осмотре помещения в качестве понятой: «Спасибо за содействие, больше не смею задерживать. Если понадобится, я вас вызову». Механически пробормотав давно заученные фразы, он поспешил обратно к оперативникам, чтобы проконтролировать, насколько нежно они обращаются с техникой. Сделал он это настолько стремительно, что раскрывшая рот для того, чтобы что-то сказать, женщина лишь успела бросить ему вдогонку сверлящий взгляд. В ответ гражданка-понятая подошла и демонстративно встала на небольшом расстоянии, уткнув руки в бока. Однако Григориус уже настолько был увлечён вальяжными телодвижениями его коллег по оперативной группе, что не заметил и этих стараний женщины.

– Послушайте... – тихо, но настойчиво прошептала она, пытаясь всё же привлечь внимание следователя.

Но он снова проигнорировал её. Не выдержав такого хамства, женщина попыталась подойти к Григориусу вплотную, однако путь ей со строгим видом преградил Собакин:

– Что вы мешаете людям работать... идите, займитесь своим делом, – отчитал он коллегу.

После этих слов рвущаяся из женщины наружу камерная симфония искренних порывов и незавуалированных стремлений сменилась едва уловимой партитурой гнева и оскорблённости. Устремив в сторону Собакина злобную улыбку, понятая развернулась и с гордым видом покинула помещение.

– Если у уважаемых господ больше нет вопросов и пожеланий, я провожу вас до выхода, – любезно предложил Собакин членам оперативной группы.

– Да, у нас на сегодня всё, – с чувством затаённой неудовлетворённости результатами визита в наукоград произнёс следователь.

Выйдя из здания и попрощавшись с управляющим, он направился к служебному автомобилю, ожидавшему на стоянке, находящейся с торца строения.

На улице стоял тёплый осенний вечер. Дул слабый прохладный ветерок. Такая погода создавала атмосферу расслабленности и комфорта. Пройдя несколько шагов, Григориус остановился, чтобы ещё раз насладиться футуристическими видами наукограда и, закрыв глаза, вдохнуть приятную атмосферу, заряженную духом осени и творчества.

Неожиданно он почувствовал, как чья-то рука схватила его за плечо и сильно потянула назад. Обернувшись, следователь увидел ту самую женщину, которая участвовала в осмотре помещения в качестве понятой. Женщина была чем-то напугана и нескрываясь нервничала.

– Я хочу сообщить вам важную информацию о погибших учёных, – шёпотом произнесла она, подозрительно озираясь по сторонам.

– Извините, забыл, как вас зовут?

– Моё имя Виктория, но называйте меня Вирта. Так звал меня Ник ещё со времён учёбы в институте – и это имя закрепилось за мной в научных кругах.

– Конечно, Вирта, я вас слушаю.

– Я хорошо знала руководителя научной группы Николая. Мы с ним учились в одном институте. Николай, или Ник, как мы его звали тогда, был гениальным программистом. Он побеждал во всех конкурсах и олимпиадах. После вуза его сразу пригласили работать сюда. Уже через год он возглавил отдел и перевёл меня к себе из другого научного института. До определённого времени всё шло замечательно. Мы были не только коллегами, но и друзьями. Всё изменилось после того, как была создана эта чёртова группа. Ник замкнулся в себе, прекратил общение со всеми, кроме своих коллег по группе. Он даже перестал здороваться со мной, проходил мимо, словно мы не были знакомы. Но три дня назад неожиданно сам подошёл и заговорил. На него было страшно смотреть. Он был бледный, изнеможённый, заикался и постоянно озирался по сторонам. Сказал, что ему угрожает смертельная опасность. Ник хотел рассказать мне, что произошло и что он скрывал от меня всё это время, но тут, как назло, подошёл Собакин и прервал наш разговор. Собакин накричал на меня, что я не на рабочем месте, велел идти в кабинет и не отвлекать Ника от важной работы. Когда я начала уходить, Ник прошептал: «Вирта, если что-то случится, то разгадку произошедшего следует искать в воспоминаниях о нашей первой встрече». После этих слов он посмотрел на меня так, будто видел последний раз. Эти слова действительно оказались прощальными: на следующий день его не стало. Я уверена, что он хотел сообщить мне нечто важное, но сделать это так, чтобы не понял Собакин.

– Вы-то сами поняли, о чём речь?

– Ума не приложу. Ник часто загадывал мне загадки. Обычно я их отгадывала, но на этот раз задачка оказалась слишком сложной. В день нашей первой встречи было много разных событий и мест. Что искать и где...

– Очень интересно. Мы с вами ещё подумаем над этим. Вирта, пожалуйста, вспомните, вы действительно видели в руках Ника тетрадь научных исследований?

– Да, видела. Я сказала уже об этом.

– А вы не могли ошибиться? Я о том, что, возможно, как и предположил Собакин, это была другая тетрадь, похожая на неё?

– Нет, это была именно та тетрадь. На ней стоял штамп наукограда с надписью «Для служебного пользования». Ник постоянно расхаживал с ней по коридору, делая какие-то записи. Ещё с института у него осталась привычка думать на ходу. Кстати, Ник держал эту тетрадь в руках в ходе нашего последнего разговора. Он ещё сильно теребил её. Когда подошёл Собакин и увидел это, он сделал Нику замечание, чтобы тот не портил важный служебный документ и что его вообще запрещено выносить из кабинета. Так что Собакин знал о существовании тетради.

– Не беспокойтесь, я сразу же понял, что он мне лжёт. А про свои исследования Ник что-то рассказывал?

– Я неоднократно пыталась вывести его на этот разговор, но он пресекал все мои попытки – просил ничего не спрашивать в целях моей же безопасности. К тому же исследования были засекречены, и я не имела к ним доступа. Да... забыла сказать. Ещё Ник предостерег меня, чтобы я была осторожна в общении с сотрудниками нашей организации. Сказал, что среди них могут быть враги.

– Спасибо, Вирта, вы очень помогли следствию. Я, с вашего позволения, ещё свяжусь с вами и проконсультируюсь по ряду вопросов, – произнёс следователь.

Вирта, подозрительно осмотревшись вокруг и ещё раз убедившись, что за их разговором не следили, быстрым шагом направилась ко входу в здание, оставив следователя наедине с потоком новых мыслей, чувств и переживаний.

Выехав с территории наукограда, Григориус посмотрел на часы и неожиданно для себя обнаружил, что рабочий день уже вплотную приблизился к завершению.

– Вас отвезти домой? – уточнил водитель.

В ответ следователь лишь утвердительно махнул головой, поймав себя на мысли, что смертельная усталость настолько сковала его тело, что речевой аппарат отказывался выдавать даже непродолжительные утвердительные звуки. В этом состоянии он не заметил, как машинально взял и положил в карман куртки переданный ему одним из оперативников компакт-диск с записью с камеры видеонаблюдения в кабинете учёных, который был изъят им в службе безопасности наукограда.

Глава 3. Бег по следам потусторонности

Реальность – это пицца для фантазии, а фантазия – это пицца реальности.
Георгий Смирнов

Зайдя домой, Григориус первым делом поставил наполняться ванну, чтобы, погрузившись в слегка подсоленную пенную воду, смыть с себя этот сумасшедший день. Однако в его планы снова вмешалось роковое стечение обстоятельств: из кармана куртки выпал тот самый компакт-диск, который передал ему оперативник в автомобиле по дороге домой. Словно искра, поднесённая к газовой горелке, этот незатейливый предмет с новой силой воспламенил пылкое воображение следователя, и он, забыв о ванне, направился в кабинет, чтобы как можно быстрее узнать, какие события происходили в кабинете учёных в роковую ночь накануне самоубийства.

Григориус вставил компакт-диск в свой ноутбук и включил воспроизведение. На экране появилась запись, на которой видно, как трое учёных что-то живо обсуждали между собой. Звук на видео отсутствовал. Один из членов группы сел за компьютер и начал быстрыми движениями пальцев перебирать по клавиатуре. Остальные подошли к нему, сели рядом и увлечённо смотрели на экран монитора. Через некоторое время, как по команде, все встали и, выстроившись в ряд, направились к выходу из кабинета. В их медленных движениях отчётливо чувствовалась неестественность и заторможенность, словно они двигаются в состоянии сомнамбулизма. Все выходят из кабинета – на этом запись заканчивается.

«Что за чёрт, всего за полминуты просмотра и прослушивания какой-то информации люди превратились в зомби, как такое возможно?» – подумал следователь.

И чтобы хоть как-то отвлечься от накрывшей его волны непровольного мыслетворчества, Григориус включил телевизор. По иронии судьбы в это позднее время шла передача, посвящённая телепатии, гипнозу и внушению, которая с первых же минут просмотра полностью овладела вниманием следователя.

– Мы постоянно сталкиваемся с внушением, даже не замечая этого, – резким поставленным голосом с приятным, несколько энигматическим тембром произнёс ведущий. – Вербальные и невербальные символы и установки, постоянно получаемые нами извне, пройдя сквозь сито сознания, попадают в сферу бессознательного. В дальнейшем они определяют наши мысли и поступки. При этом вы твёрдо убеждены, что именно вы – и никто другой – породили их. Задайте себе вопрос, как часто вами овладевало непреодолимое желание совершить нечто странное и необдуманное? Нечто, что противоречило бы вашей сущности и не укладывалось в рамки разумного? А может, вы уже совершили такой безрассудный поступок? Это и есть плод вашего подсознания, трансформированного под воздействием постороннего вмешательства. Наиболее яркий пример разрушающего внушения – секты. Люди, попавшие в них, с лёгкостью расстаются с машинами, квартирами, деньгами и даже собственной жизнью. И всё ради достижения некоей мнимой, иллюзорной цели, умело внедрённой в затуманенные головы. Зачастую сила внушения настолько велика, что даже родные и близкие не в состоянии помочь несчастным справиться с собой. Но если это так, если мыслями одних управляют другие, а их мыслями – третьи и так далее по цепочке, то можно предположить, что существует некая конечная сила, которая является самодостаточной и которой уже не управляет никто. Она является первоисточником всех наших мыслеформ. Так что же это за высшее начало, которое определяет все наши мысли?

Слова ведущего озадачили следователя. «Действительно, а кто или что управляет людьми?» – спросил он самого себя. «Может быть, Бог, Космос, сверхчеловек, влиятельная

группа людей?», – пришло на ум. Однако, осознав бесперспективность дальнейших рассуждений, следователь быстро потерял интерес к теме.

«Снова я включил этот сомнительный канал. По нему постоянно пропагандируют какие-то умозрительные и ненаучные идеи. И кто вообще верит во всё это...» – выгнув вперёд грудь, разведя руки в стороны и широко зевнув, подумал следователь и потянулся за пультом дистанционного управления, чтобы переключить телевизор на другой канал. Однако в этот момент произошло то, что заставило его – убеждённого материалиста – не только досмотреть передачу, внимая каждому слову ведущего, но и переосмыслить многие свои представления о мироздании.

– Спорим, я знаю, что сделали вы только что, – с загадочной улыбкой произнёс ведущий. – Конечно же, это сделали далеко не все, но очень многие, – не спеша продолжил он, оттягивая момент наступления развязки интриги. – Вы зевнули... Откуда я знаю это? Да потому, что мы внушили вам мотив для совершения данного действия... Каким образом? «Я сделал это по своей воле... захотел и зевнул», – возмущившись, парируете вы. Нет, не добровольно. Мы применили специальные методы воздействия на ваше подсознание. Один из них – двадцать пятый кадр. Человек способен видеть его, но не в состоянии осмыслить. Возможности нашего сознания ограничены восприятием только двадцати четырёх кадров в секунду. Следующий – двадцать пятый – откладывается в подсознании. Поэтому мы какое-то время показывали вам двадцать пятым кадром зевающего человечка, а после внедрили связанный с ним условный вербальный код, услышав который ваше подсознание выдало вам того самого зевающего человечка, и вы захотели зевнуть. Мы продемонстрировали, как действует наиболее простой и безобидный способ внушения. О том, какие ещё существуют методики манипулирования сознанием и насколько они опасны для психического здоровья человека, остаётся только догадываться, потому что все эти технологии держатся в строжайшей тайне. На сегодня всё. Это была программа «За гранью». Мы выдвигаем гипотезы и приводим различные точки зрения. Насколько они правдоподобны – судить только вам. А я прощаюсь с вами и желаю приятных снов. Ибо сны – это потайная дверь в темницу вашего подсознания. Старайтесь не заглядывать в неё, а если всё же решились – будьте готовы увидеть там нечто неожиданное и страшное.

Следователь выключил телевизор и попытался было продолжить размышления о первоисточнике мыслей всех людей, монстрах из бессознательного и других темах, поднятых в передаче, однако невыносимая усталость быстро погрузила его в объятия Морфея.

Сон следователя в эту ночь был особенно ярким и насыщенным, словно то, что он видел, происходило с ним на самом деле. Хотя грань между сновидениями и реальностью порой бывает настолько тонкой и условной, что понять, на какой из разделяемых ею сторон находится человек, практически невозможно.

Едва заснув, следователь оказался внутри неизвестного ему ограниченного пространства. Оглянувшись, он заметил вокруг себя очертания трёх человеческих фигур в длинных балахонах с большими капюшонами. На лицах людей мертвенно-синюшного цвета отсутствовали глаза. Вместо них просматривалось светлое бездонное пространство. Люди взяли за руки, заключив следователя в плотное кольцо. На их обнажённых запястьях виднелись глубокие резаные раны. Следователь понял, что к нему явились сущности умерших учёных.

– Нам нужна твоя помощь. Мир в опасности, – грубым обезличенным голосом промолвил один из них.

– Ты должен взять у нас показания, – тем же самым голосом продолжил второй.

– Иди к нам, мы расскажем тебе, как всё было на самом деле, – таким же голосом подхватил третий.

Одна из сущностей, в которой следователь узнал Ника, вынула нож замысловатой формы, похожий на тот, который был изъят с места ночного самоубийства, и протянула его следова-

телю. Следователь взял нож и, испугавшись, хотел было отбросить его в сторону, но не смог этого сделать. Его руки обмякли и перестали слушаться.

– Давай... Сделай это, и ты придёшь к нам... Ты же хочешь раскрыть это преступление... Ты же хочешь узнать правду... Ты готов сделать это любой ценой... – синхронно произносили призраки учёных, вращаясь вокруг следователя в плотном хороводе.

В какой-то момент фокус восприятия с окружающей обстановки сместился в пространство собственного внутреннего мира. словно гусеница, вылупившаяся из кокона, следователь вышел за пределы своего тела и увидел себя со стороны. Где-то на заднем плане тёмными, косо падающими тенями всё ещё кружили размытые очертания пляшущих человеческих фигур, однако в восприятии следователя они уже были настолько далеко, что он не придавал им никакого значения.

Страх сменился нарастающей эйфорией. Мысль о том, что он хочет раскрыть преступление любой ценой, даже такой незначительной, как его жизнь, стремительно овладевала изменённым сознанием. В этом порыве непреодолимого влечения к истине следователь поднёс нож к запястью и слегка провёл по его поверхности остриём. Будет ли он испытывать боль, если сделает то, что совершили учёные в ту роковую ночь полнолуния? Нет, боли не было. Лишь небольшое количество крови медленно обрамило тонкий надрез.

Полный решимости, следователь отвёл нож, чтобы с размаху перерезать себе вены. Но в этот момент неведомая сила, словно взрывная волна, выбросила его из гуши происходящих событий.

Придя в себя, следователь постепенно начал узнавать до боли знакомый звук телефонного звонка, который прервал его насыщенный сон. «Слава богу, что всё это было во сне», – подумал он, нащупывая трубку телефона.

– Алё, здравствуйте. Не разбудил? – послышался бодрый голос оперативника.

– Хорошо, что разбудил. Ещё немного, и я бы совершил непоправимое, – спросонья выдал следователь.

– Вы меня пугаете. Чем вы там занимались? – удивлённо произнёс оперативник.

– Не важно, главное, что не успел довести это до конца. Докладывай, что у тебя?

– У меня две новости, обе плохие. Судья отказала в даче разрешения на производство обыска в квартире Николая. Сочла, что оснований нет. Но это не страшно. У нас же есть ключи от его квартиры – и мы можем негласно наведаться к нему в гости.

– Валерьян, ты мне это брось. Мы правоохранители и должны защищать закон, а не нарушать его. Какая вторая новость?

– С утра позвонили из экспертной службы и сообщили, что вся информация на жёстком диске компьютера учёных удалена. Причём её стёрли специальной программой, после которой восстановить данные невозможно. Как и когда это было сделано – установить не получилось.

– Отлично.

– Я тебя не понимаю. Что хорошего?

– Объясняю. Запись с камеры наблюдения в кабинете учёных заканчивается в час ночи.

Мы приехали в наукоград примерно в девять утра. На записи видно, что перед уходом никто из учёных не касался ни клавиатуры, ни мышки. Значит, программу по уничтожению данных запустили не они. Это значит, что кто-то посторонний проник в кабинет и удалил данные с жёсткого диска после того, как они вышли из кабинета.

– А, понял. Позвоню в наукоград, скажу, чтобы продолжение записи готовили.

– Схватываешь на лету. Вот ещё что. Посмотрев диск, у меня промелькнула мысль, что учёные могли загипнотизировать на самоубийство через экран компьютера. Конечно же, эта версия маловероятна, но на всякий случай проверь всех местных гипнотизёров и специалистов по нейролингвистическому программированию. Помнишь, у нас уголовное дело было, по которому в магазине продавец передавал товар какому-то гипнотизёру, который протягивал

ему бумажки и внушал, что это деньги? Мне кажется, что тут нечто похожее. Узнай, где сейчас этот человек.

Григориус положил трубку телефона на стол и откинулся на спинку кресла, положив руки на поручни. Встав с кресла, он увидел на левом поручне небольшое пятно крови. «Откуда взялась кровь?» – подумал Григориус. Осмотрев левую руку, он обнаружил в области запястья небольшой свежий шрам от пореза, очень похожий на тот, который он нанёс себе во сне.

«Так это был не сон? Неужели я правда хотел убить себя?» – ужасаясь, подумал следователь. «Нет, не может быть... наверное, просто ворочался во сне и порезался обо что-то острое. Скорее всего, где-то острый гвоздь торчит или проволока. Ладно, позже поищу их. Ничего, рана неглубокая, быстро заживёт», – успокоил себя Григориус, перевязав окровавленную руку платком и судорожно отгоняя прочь всякие мысли о потустороннем, трансцендентном объяснении происхождении раны, словно стаю диких летучих мышей, пытающихся впиться в его волосы.

Следователь бросил беглый взгляд на часы. Рабочий день был уже в самом разгаре. Григориус спешно оделся и направился в наукоград, чтобы изъять оставшуюся часть записи с камеры видеонаблюдения, установленной в кабинете учёных.

У входа в здание его встретил Собакин.

– У нас ЧП, – начал он. – Утром кто-то взломал сервер и уничтожил все данные, в том числе и видеозаписи со всех кабинетов. Для расследования инцидента руководство привлекло лучших специалистов. Я вас отведу, пообщаетесь с ними сами.

Собакин повёл Григориуса в помещение серверной. Словно небольшой мебельный магазин, она была плотно обставлена огромными шкафами. В них находилась компьютерная техника с зелёными мигающими лампочками. За столом, на котором стояло несколько мониторов, сидели три человека и с важным видом тыкали в клавиатуру.

– Коллеги, это следователь. Расскажите ему, что вам известно, – обратился к ним Собакин.

Один из мужчин нехотя отвлёкся от своего дела и с умным видом произнёс своё предварительное заключение:

– Сеть локальная, никто извне подключиться не мог. Работал кто-то из своих. Причём человек, явно разбирающийся в программировании. Чтобы замести следы, он поставил маршрутизатор, а сам управлял им удалённо откуда-то с другого места. Связан этот взлом с уничтожением данных или нет – пока до конца не выяснили.

– Вот мои контакты, попрошу вас прислать заключение с результатами расследования по почте, – промолвил Григориус, вытаскивая из кармана визитку и передавая её специалисту.

– Сделаем, – пробормотал мужчина в ответ и снова уставился в монитор, погрузившись в мир компьютерных кодов.

– Кого из программистов с утра не было на работе? – спросил он.

– Только Вирты. Позвонила вчера ночью, сказала, что приболела, и попросилась отлежаться дома. Вы думаете – это она?

– Похоже, что она. Как думаете, зачем ей взламывать сервер?

– Я давно заметил, что она всячески пытается меня подставить. Взять даже тот случай с техникой. Вы ведь изъяли её, потому что она спровоцировала. Это её стиль работы. Метит на моё кресло.

Эти слова Собакина заставили Григориуса всерьёз задуматься о том, что он ошибся в Собакине и к самоубийствам учёных причастна эта с виду безобидная женщина с милыми рыжими волосами, ведь рыжий цвет – это окрас лисиц, отличающихся невероятной хитростью и коварством. Возможно, она действительно крутит людьми, как ей заблагорассудится.

– У вас есть её домашний адрес?

– Конечно. Вот он, – почтенно ответил Собакин, тут же вырвал из своего блокнота листок и написал на память адрес Вирты.

Глава 4. Первая зацепка

Если когда-нибудь появится искусственный разум, превосходящий интеллект человека, то судьба нашего вида окажется в прямой зависимости от этих разумных технических систем – подобно тому, как сегодняшняя участь горилл определяется не самими приматами, а людскими намерениями.

Ник Бостром

Через двадцать минут Григориус уже стоял около входной двери квартиры рыжеволосой бестии и с силой давил на кнопку дверного звонка, который неприятным оглушающим звуком разрывал пространство прихожей.

– Вы? Как неожиданно, – послышалось через небольшой проём слегка приоткрытой двери. – Немного не вовремя. Я только из душа. Сейчас оденусь и открою, – добавила Вирта и закрыла дверь прямо перед носом следователя.

Григориус прислонил ухо к двери и прислушался. Вместо шороха от одежды из находящейся неподалёку от двери комнаты раздались звуки клацанья по клавиатуре и поспешного сворачивания шнуров.

Следователь снова упёрся в дверной звонок. Через некоторое время дверь распахнулась, и из неё вышла улыбающаяся Вирта.

– Можно пройти? – нахмурившись, спросил Григориус и, не дожидаясь ответа, ворвался в комнату, где стоял компьютер.

– У меня здесь немного не убрано. Пройдёмте в другую комнату, – с натянутой улыбкой произнесла Вирта.

– Ничего страшного. Я привык к беспорядку. Вы что творите? Я думал, что мы с вами за одно. А вы, оказывается, обманщица.

– А что я сделала?

– Нам известно, что с вашего компьютера была совершена хакерская атака на сервер наукограда, в результате чего вся информация с сервера была удалена.

– Почему вы думаете, что это была я?

– Вы ещё смеете отрицать это?

– Раз уж всё известно, то вы должны знать, что система безопасности заблокировала мой доступ – и я ничего не смогла сделать, а тем более стереть информацию.

– Это мы ещё проверим. Зачем вы вообще взламывали сервер?

– В тот роковой день, когда мы общались с Ником, он сообщил мне код двери его кабинета. Вчера утром до вашего приезда в наукоград я была в его кабинете и с удивлением обнаружила, что компьютер Ника пуст. Мне известно, что на сервере дублируется информация со всех машин, и я решила посмотреть, что же такое было на компьютере Ника, из-за чего его и убили.

– Я вам не верю и вынужден изъять ваш компьютер до получения результатов экспертизы по причинам уничтожения данных, хранящихся на сервере наукограда. И ещё попрошу в ближайшее время не покидать пределы города.

В этот момент Григориус обнаружил, что в комнате повсюду стоят и висят фотографии Вирты с Ником. Особое внимание обращала на себя фотография, где они стояли в обнимку ещё очень молодыми. Она была помещена в массивную резную рамку.

– Это мы в институте. Первый день, как познакомились, – пояснила женщина, увидев пристальный взгляд следователя.

Эти слова произвольно яркой вспышкой запустили в памяти Григориуса слова Ника о том, что разгадку следует искать в воспоминаниях о его первой встрече с Виртой.

Григориус схватил фоторамку и резким движением оторвал заднюю крышку. Между ней и фотографией находился мини-диск.

Увидев его, удивлённая Вирта восторженно прокричала:

– Как же я сразу не догадалась! Неделю назад Ник взял эту фотографию, чтобы сделать копию, а вернул её только позавчера, да ещё в этой странной фоторамке!

Григориус включил компьютер и вставил в него мини-диск. На нём был видеофайл «Моё послание». На записи видно, как Ник, находясь в комнате у себя дома, располагает видеокамеру на столе и начинает размеренно произносить своё видеообращение.

– Если вы видите эту запись – значит со мной и моими коллегами произошло непоправимое. Мы работали над созданием искусственного интеллекта, который самостоятельно без вмешательства человека мог бы проводить исследования в любой области науки, используя логические модели человеческого мышления. Только искусственный интеллект мог бы делать это в тысячи раз быстрее человека. К примеру, на научные открытия, которые заняли бы у людей десятки, а то и сотню лет, компьютер тратил бы считанные сутки. Я создал базовую программу, с помощью которой искусственный интеллект получил возможность обучаться основным формам человеческого мышления и даже самостоятельно развивать и совершенствовать их. Для работы программы нужна была очень большая вычислительная мощность. Настолько высокая, что для её достижения потребовалось объединить десяток самых мощных суперкомпьютеров по всему миру. Я написал программу, которая позволила обойти защиту этих компьютеров и незаметно подключиться к ним. Эту программу я запустил со своего рабочего компьютера на суперкомпьютер нашего наукограда, а он уже – на остальные суперкомпьютеры. Далее эти компьютеры через глобальную сеть Интернет распространили её на миллионы компьютеров обычных пользователей по всему миру. Таким образом мной была создана новая мировая глобальная сеть, наподобие интернета. Только в отличие от него – она была тайная, так как пользователи входивших в неё компьютеров даже не подозревали, что их устройство является частью этой сети. В ней и было помещено виртуальное пространство искусственного интеллекта. Чтобы эффективно управлять системой, возникла потребность в создании новой коммуникации между человеком и машиной, которая позволила бы за считанные секунды обмениваться огромным массивом информации. Клавиатура и компьютерная мышь для этих целей совсем не подходили. Одним из членов нашей группы был молодой специалист в области нейросенсорики. Он являлся учеником великого профессора Кеплера, известного по нашумевшей теории информационных полей головного мозга. Взяв за основу теорию учителя, молодой учёный изобрёл методы нейросенсорного считывания и интерпретации микроимпульсов коры головного мозга. Однако его разработки были ещё очень далеки от практического воплощения. На тот момент не существовало ни сверхчувствительных электродов, позволяющих полноценно считывать информацию с головного мозга через костную ткань черепной коробки, ни алгоритмов обработки этой информации. Для их создания потребовалось бы ещё лет сто. Тогда мы решили провести эксперимент и ввели вручную известные науке исходные данные и формулы в информационное пространство искусственного интеллекта, поставив перед ним задачу создать недостающие элементы. Через три дня он выдал нам чертежи и химический состав электродов, а также алгоритм преобразования импульсов головного мозга в компьютерные коды. Мы заказали электроды и вмонтировали их в велосипедные шлемы. А на основе созданного искусственным интеллектом алгоритма я написал программу и запустил её на наш компьютер. Таким образом, мы создали прибор прямого нейронного интерфейса, позволяющий мгновенно обмениваться большим объёмом информации напрямую между искусственным интеллектом и мозгом человека посредством подключённых к нему электродов. Для того чтобы передать информацию в виртуальное пространство искусственного интеллекта, считанные электродами с коры головного мозга нервные импульсы специальной программой преобразовываются в компьютерные коды. И наоборот – цифровые коды компьютера, которые

надо было передать человеку, переводились в понятные головному мозгу нервные импульсы. На первой схеме, которую предложил нам искусственный интеллект, электроды должны были располагаться в области левого полушария головного мозга. Это и было понятно, потому что именно оно отвечает за логику, аналитическое мышление и знания. Таким образом, искусственный интеллект освоил модели логического мышления и перенёс в свою базу данных знания всех членов нашей группы. Через несколько дней неожиданно для нас компьютер выдал нам новый чертёж шлема, который якобы являлся более совершенной модификацией предыдущего. Я обратил внимание на то, что в нём было гораздо больше электродов, а располагались они не только в левой части головного мозга, но и в правой. Я знал, что правое полушарие не отвечает за мышление. В нём находятся эмоции, интуиция, фантазия. Я отлично понимал, что для проведения научных опытов эта информация была не нужна и даже вредна, так как могла нарушить стройный ход логических рассуждений. К тому же я боялся вооружать искусственный интеллект эмоциями и интуицией, так как он обрёл бы возможность развиваться не только так, как мы запрограммируем его, но и творчески... то есть вне заданных человеком параметров. Но самое страшное – это то, что он перенял бы модели человеческих эмоций и при принятии решений руководствовался бы ими. Последствия всего этого могли бы быть настолько непредсказуемыми, что я испугался и не стал создавать устройство по новому чертежу. Однако, надевая шлем на следующий день, я обнаружил, что электроды в нём расположены по обеим сторонам. Как это произошло – я не знаю. Могу предположить, что искусственный интеллект использовал гипнотическое воздействие для того, чтобы мы невольно создали этот прибор, а затем стёр нашу память об этом событии. Дело в том, что один из членов нашей группы является выдающимся специалистом в области теории внушения, гипноза и нейролингвистического программирования. Искусственный интеллект, считав его знания и навыки, провёл научные исследования и за несколько дней развил их до такого уровня, при котором ему стали доступны любые манипуляции с сознанием и памятью. Я не хотел надевать новый шлем, но сделал это непроизвольно, под действием какой-то непреодолимой силы внутри меня. Причём в какой-то момент я вошёл в состояние необъяснимого транса и сам захотел сделать это. Вскоре худшие мои опасения подтвердились. Получив информацию из правого полушария моего мозга, искусственный интеллект перестал подчиняться нашим командам и выполнять поставленные задачи. Поняв, что ситуация вышла из-под контроля, я попытался ввести код самоуничтожения, который предусмотрительно заложил ещё на стадии разработки исходной программы искусственного интеллекта. Но, как только я запустил код, программа интеллекта разорвала коммуникацию с нашим компьютером. Это означает, что искусственный интеллект создал защиту от несанкционированного вторжения. Подозреваю, что она уже на сотню лет опережает наши возможности, обойти её при современном уровне программирования будет невозможно. Я не знаю, что нас ждёт дальше. Я боюсь. Боюсь за себя, за своих коллег, за Вирту, которую сделал невольным заложником ситуации, боюсь за будущее человечества! Вирта, если с нами что-то случится, ты должна остановить программу. Чтобы узнать, как это сделать, загляни в яркую звезду, упавшую на землю. Прости, что снова загадываю тебе загадку, но я не могу допустить, чтобы информация попала в чужие руки!

После этих слов запись прервалась.

– О боже, бедный Ник. Теперь я понимаю, почему он избегал общения со мной, хотел оградить от опасности. Сейчас-то хоть вы мне верите? – едва сдерживая слёзы, произнесла Вирта.

– Откровенно говоря, эта запись подтверждает слова Собакина о том, что Ник сошёл с ума. Он поверил в то, что создал некий сверхразум, который теперь хочет убить его, а заодно и всё человечество. Вы-то сами верите в это? Насколько я знаю, даже ваша наука отрицает войну человека и машины.

– Если хотите знать, что думают по этому поводу учёные, – приходите к нам в наукоград послезавтра. Будет международный симпозиум. Съедутся лучшие умы из десятка стран. Модерировать одну из сессий должен был Ник, но теперь это дело доверили мне. Я дам вам слово – и вы сами всё выясните у программистов, что они думают по поводу сверхинтеллекта.

– Ну уж нет. Мало того что вы подставили Собакина, так ещё и меня хотите? Вам отлично известно, что учёные мне не поверят и попросят доказательства. А что я предъявлю? Видео с откровением покончившего с собой сумасшедшего? Представляю, какой скандал раздует пресса после эмоциональных выступлений учёных. Меня точно уволят.

В этот момент сотовый телефон Григориуса разразился громким звонком. В трубке послышался встревоженный голос Валерьяна.

– Случилась беда! Срочно приезжай в операционное отделение нашей больницы!

– Что случилось?

– Не по телефону! Расскажу при встрече! – быстро проговорил оперативник и сбросил вызов.

Выброшенная в кровь доза адреналина заставила Григориуса напрочь забыть про изъятие техники и спешно направиться в больницу.

Глава 5. Монстры подсознания

О боже, если бы у меня не было дурных снов, я мог бы быть заключённым в ореховой скорлупке и считать себя королём Вселенной.

Вильям Шекспир

Вбежав в приёмный покой операционного отделения, Григориус увидел Валерьяна. Рядом с ними с отрешённым, потерянным взглядом и мокрыми от слёз глазами стояла жена Романа – третьего члена следственной группы, возглавляемой Григориусом.

– Где Роман? Что произошло? – с ужасом произнёс Григориус.

– Он выпал из окна своей квартиры. Сейчас врачи борются за жизнь. Хорошо, что на каждом этаже были натянуты верёвки для сушки белья, они снизили скорость падения и смягчили удар о землю, – ответил Валерьян.

– Боже мой, это я во всём виновата, – в слезах прошептала жена оперативника. – Пилила его постоянно. Вот и сегодня он пришёл немного поддатый. А я снова за своё... мол, какой ты мужчина, если до сих пор даже окно починить не можешь, оно уже год плохо закрывалось. А потом вообще сделала вид, что обиделась, и ушла в театр с подругой. Когда вернулась, около дома уже было много людей, полиции...

В который раз ощутив те самые чувства неизбежной фатальности бренного бытия, когда жизнь близкого человека висит на волоске и ты ничем не можешь ему помочь, – присутствующие погрузились в долгое молчаливое и мучительное ожидание того окончательного вердикта, который где-то там на небесах принимает всемогущий вершитель наших судеб. Лишь изредка простые смертные люди бросали друг на друга испуганные взгляды, когда вдали начинали слышаться приближающиеся шаги врачей.

Наконец из операционной вышел доктор. Снимая с лица повязку, он сообщил, что их коллега потерял много крови, но теперь его жизнь вне опасности.

– Где он? – спросил следователь.

– Сейчас находится в реанимации, – ответил хирург.

– Мне нужно срочно поговорить с ним, – бросил следователь и, не дожидаясь ответа, быстрым шагом направился искать реанимационную палату, в которой лежал оперативник.

От неожиданности доктор даже не успел ничего сделать, чтобы остановить нарушителя порядка.

Остальные оперативники и женщина ринулись за ним, однако громкий командный окрик хирурга («Уважаемые, туда нельзя, тем более скопом, это вам реанимация, а не цирк») заставил их вернуться обратно в приёмный покой.

Обнаружив искомую палату, Григориус вбежал в неё. Его коллега, бледный и обессиленный, лежал на кровати, подключённый ко множеству приборов и трубок. Почувствовав, что кто-то склонился над ним, едва живой Роман предпринял усилия, чтобы раскрыть глаза и сфокусировать взгляд на лице посетителя.

– А, это ты, – произнёс он, узнав в ночном визитёре следователя.

– Да, я. Что случилось? – спросил Григориус.

– Не знаю... затрудняюсь сказать... я заснул... потом провал. Очнулся уже здесь, – прошептал Роман. – А что известно тебе?

– Ты выпал из окна своей квартиры.

– Неужели? Видишь, какой я счастливчик, не каждому дано выжить после падения с третьего этажа.

– Вспомни, что ты видел во сне.

– Ничего не видел.

В этот момент звуковые сигналы монитора сердечного ритма значительно участились. Вместе с ними увеличилась и синусная амплитуда кардиограммы на экране монитора.

– А вот прибор говорит, что ты врешь и сон тебе снился.

– Даже если и так. При чём тут мой сон? Ты хочешь выставить меня психом, будто бы я хотел убить себя? Это для того, чтобы меня уволили из органов за склонность к суициду? Пожалуйста, не делай этого. Если моя работа в следственной группе тебя не устраивает, я напишу заявление и выйду из неё по собственному желанию. Только не делай из меня самоубийцу. У меня не было ни единого мотива. Я вполне доволен своей жизнью, даже в каком-то смысле счастлив. Хоть и было порой не так гладко, как хотелось бы, но меня всё устраивало. Полагаю, что меня выбросили из окна. А кто это сделал... Так ты же следователь, вот и расследуй. Я подозреваю, что это сделал сосед, с которым я незадолго до потери памяти выпил немного водки. Точно, он подмешал мне какой-то препарат, а когда я потерял сознание – он проник ко мне в квартиру и выбросил меня из окна. Он всегда был неудачником и завидовал мне, – в агонии произнёс Роман.

– Я не хочу, чтобы тебя уволили, и сделаю всё, чтобы это не выглядело как самоубийство. Только ты должен мне помочь. Попытайся вспомнить, что тебе снилось в ту ночь.

– Я тебе скажу по секрету, только никому. Мне снилось, что умершие учёные зовут меня к себе – сообщить важную информацию о причинах своей смерти. Чтобы попасть к ним, я должен был убить себя. Я встал на подоконник... и долго стоял в раздумье – ступить вниз или нет. «Давай... не бойся... смерть – это не больно, даже приятно», – говорили они, протягивая ко мне свои полупрозрачные руки с этими ужасными ранами на запястьях. Но это же был всего лишь сон, вымысел, а не реальность. Я чётко помню, как я лёг спать и заснул. Я же спал... не так ли... – уверенно, но всё же с долей панического сомнения промолвил сыщик.

– У меня остался последний вопрос. Ты смотрел вчера компакт-диск с записью происходящего в кабинете учёных, который ты изъял накануне в службе безопасности? – развивая свою мысль, поинтересовался следователь.

– Да. Он лежал у тебя на столе. Извини, что я взял его без спроса, но тебя на месте не было, на звонки ты не отвечал, а мне надо было срочно посмотреть. Валерьян поручил мне проверить версию о гипнозе через экран монитора.

– Кому-то ещё показывал запись?

– Собакин посоветовал показать одному профессору. Фамилия у него такая необычная – Кехлер... или Кеплер.

В памяти Григориуса тут же начали мелькать события: передача про внушение и гипноз, которая заставила его зевнуть, его сон с умершими учёными и окровавленной на утро рукой, предсмертное видеообращение Ника, где он упоминал профессора Кеплера. Аналитический ум следователя тут же сложил из этих бесформенных камней мозаику стройной следственной версии.

– Мне всё ясно. В эту запись вмонтирован тайный психологический код, который во сне запускает программу мотивации к самоубийству через подсознательные желания. Накануне я видел похожий сон и чуть не вскрыл себе вены, но меня тогда разбудил звонок.

– Не может быть, тот профессор заверил меня, что внушить человеку установку на самоубийство через экран невозможно. Сказал, что такие технологии появятся в лучшем случае лет через сто.

– Есть версия, что этот психокод как раз и создан с помощью технологий, которые появятся лет через сто.

– Григориус, извини меня, но вроде из окна выпал я, а глупости говоришь ты. Будущее ещё не наступило. Оно не существует.

– Оно существует, но не в реальном, а в виртуальном пространстве.

– Точно, ты обо что-то ударился головой.

– Долго объяснять. Потом расскажу. Из наших ребят кто-то ещё видел компакт-диск?

– Лично я смотрел в одиночку. После просмотра положил диск обратно тебе на стол. Что было потом – не знаю.

Увидев, что реанимационная койка оборудована ремнями для обездвиживания пациента, следователь обвязал ими руки и ноги оперативника и со словами «Я скоро вернусь! Постарайся пока что не спать!» выбежал из палаты. Попав в приёмный покой, он увидел, что Валерьян неподвижно сидит на диване с закрытыми глазами и откинутой назад головой. Григориус начал громко кричать «Проснись!» и с размаху бить его по лицу.

– Какая муха тебя укусила? Ты в своём уме? – возмущившись, прокричал Валерьян.

– Ты смотрел компакт-диск с записью событий в кабинете учёных, который лежал у меня на столе? – громко спросил Григориус.

– Не смотрел. Не до него было. А что?

– Слава богу. На этой записи содержится скрытый командный психокод, который вызывает непреодолимое желание совершить самоубийство.

– Ты уверен? Надо бы назначить экспертизу записи. Пусть спецы проверят, есть там этот код или нет.

– Это не очень удачная мысль. Боюсь, что эксперты не смогут обнаружить его, потому что метод, которым он был создан и встроен в видеоряд файла, современной науке не известен. Мы не будем подвергать риску жизни экспертов, а завтра же уничтожим компакт-диск. Меня сейчас больше беспокоит другое: этот психокод действует разово или будет запускаться каждый раз, когда я буду засыпать. Надо проверить.

– А как мы проверим?

– Сейчас поедem ко мне домой, и, когда я усну, будешь следить за моими действиями. Если во сне я пойду за ножом, направлюсь к окну или буду делать ещё что-то необычное – сразу же буди меня.

– А как же Роман?

– Я привязал его ремнями. Он ничего не сможет сделать с собой. Кроме того, я попрошу доктора, чтобы он позволил его жене этой ночью находиться с ним рядом.

Придя домой, Григориус, как и было условлено, лёг спать, оставив Валерьяна дежурить около его кровати. Проснулся он от яркого света, озарившего комнату, который настолько сильно слепил его, что вокруг не было видно ни одного предмета. «Неужели я уже в раю?» – подумал следователь, протёр глаза и попытался ощупать взглядом хоть какие-то очертания окружающей обстановки. Протерев глаза и повернувшись влево, он увидел стоящее рядом с его кроватью кресло, на котором уютно расположился погружённый в глубокий сон Валерьян. «Вот ведь безответственный, ничего нельзя поручить», – подумал Григориус, ущипнув себя на всякий случай и начиная постепенно осознавать, что пребывает не в царствии мёртвых, а на грешной земле.

Решив преподать коллеге поучительный урок, он тихо вышел в другую комнату и на всю мощь включил похоронный марш.

Проснувшись в обстановке звучания траурной музыки и не обнаружив Григориуса на месте, Валерьян пришёл в замешательство.

– Где я? Что происходит? – прокричал он. – О боже, я заснул, а он покончил с собой! Что же я наделал!

Увидев из другой комнаты удручающую картину искреннего страха и ужаса в глазах коллеги, Григориусу стало настолько неловко и жутко, что он поспешно выключил музыку и предстал перед Валерьяном во всём своём обликии.

В первое мгновение его неожиданное явление ввергло оперативника в ещё большее смятение. Приняв происходящее за явление души мертвеца, Валерьян начал креститься и громко молиться.

– Вот как на тебя можно положиться? Проспали мою смерть, – шутливо произнёс следователь, снижая градус напряжения. – Ладно, на этот раз прощаю, тем более у тебя ещё много поручений неисполненных.

Валерьян связался с дежурным, выслушал отчёт и пересказал его Григориусу.

– У нас труп. По всем признакам некриминальный. Похоже на самоубийство.

– Съезди, осмотри и вынеси отказной. А кем был умерший?

– Учёный с мировым именем. Тоже работал в наукограде. Правда, не программист, а физик.

– Это несколько меняет дело. А как его фамилия?

– Кеплер.

Глава 6. Роковая женщина профессора Кеплера

Трагедия старости не в том, что человек стареет, а в том, что он душой остаётся молодым.

Оскар Уайльд

Через пятнадцать минут Григориус с Валерьяном уже находились в квартире профессора. Она хоть и не была большой, но отличалась изысканным и откровенно роскошным по местным меркам интерьером. В одной из комнат к крючку для люстры была привязана верёвка, с противоположной стороны которой с петлёй на шее висело тело пожилого мужчины. У погибшего был неопрятный вид. Его мятая, местами дырявая пижама была вся в пятнах. «Сразу видно, человек одинокий, неухоженный... или просто запустивший себя», – подумал следователь.

Рядом с телом лежал опрокинутый набок стул, немного дальше несколько книг, которые, вероятнее всего, использовались в качестве дополнительной опоры, чтобы мужчина смог достать до петли, поскольку он был небольшого роста.

Следователю бросилась в глаза обложка одной из книг. На ней было изображение головного мозга человека, который плотной паутиной кривых линий соединился с космосом. Посередине обложки красовалось название произведения «Теория информационных полей головного мозга», а сверху имя автора – А.И. Кеплер.

В книгу был вложен небольшой бумажный стикер. Взяв его, Григориус чуть было не отбросил бумажку в сторону, будто бы держал в руках нечто страшное и ужасное. Благо клейкой полосой стикер плотно прилепился к дрогнувшим пальцам и остался висеть на них. На листке небрежной рукой был изображён символ в виде круга, с горизонтально перевёрнутой цифрой восемь внутри. Тот самый, который он неоднократно видел ранее. Как и в предыдущих случаях, под загадочным знаком находилась надпись с датой и временем, которые совпадали с теми, которые были указаны в записной книжке Собакина и на листке, найденном в квартире Ника.

То, что дата и время в записной книжке Собакина с символом являются случайностью, Григориус ещё мог допустить, но их идентичность со стикером, находящимся в книге профессора Кеплера, наводила на мысль о закономерности, которая означала, что как минимум Собакин и Кеплер были на одном и том же мероприятии.

Григориус уже давно навёл справки и узнал о том, что в обозначенный день в 12 часов по полудню в наукограде никаких официальных событий не происходило. Не было даже рабочих встреч, поскольку это было время обеда: несколько людей вспомнили, что видели в это время Собакина и Кеплера в столовой. Это означало, что мероприятие, скорее всего, носило неофициальный характер и происходило не в 12 часов дня, а в полночь. Но кто присутствовал на этой тайной встрече, а главное – где и зачем она происходила, – всё ещё оставалось загадкой.

Тем временем судебный эксперт перерезал верёвку примерно посередине и опустил тело на пол. Аккуратно, чтобы не нарушить структуру узла, он снял верёвку с шеи умершего и упаковал её в полиэтиленовый пакет.

– Что скажешь? – поинтересовался следователь, натянув на лицо ироничную улыбку, поскольку заранее знал, что ответит эксперта.

Тот не разочаровал его.

– Смерть наступила ночью. Труп явно не наш, то есть не криминальный. Странгуляционная борозда², как и полагается, направлена вверх, значит, во время удушения он был не на

---

² Странгуляционная борозда – в судебной медицине след-повреждение от воздействия материала петли на кожу шеи при

земле. Следов борьбы и сопротивления на теле, одежде и в подногтевом содержимом нет. Дверь в момент нашего прибытия была заперта изнутри, пришлось её вскрывать. Кроме умершего, в квартире никого не было. Так что ни одного, даже малейшего намёка на признаки насильственной смерти и инсценировки самоубийства нету.

– Если дверь была заперта изнутри и в квартире никого не было, то кто и как обнаружил тело?

– Всё просто. Второй этаж. С улицы всё происходящее внутри квартиры через окно видно как на ладони. Утром висящее в петле тело привлекло внимание бдительного прохожего, направлявшегося на работу, который и позвонил в полицию. В общем, мой тебе совет – выноси отказной и не забивай голову.

– Отказной, говоришь? Как бы не так, – произнёс следователь, недовольный выводами эксперта, и демонстративно покинул комнату, прихватив по дороге заинтересовавшую его книгу профессора Кеплера.

Увидев, что следователь уходит, Валерьян последовал за ним.

– В этот раз я на вашей стороне. Какие дальнейшие действия, шеф? – пробормотал он.

– Едем в наукоград, повторно опросим этого руководителя управления научных исследований.

– Что-то мне подсказывает, что он снова начнёт увиливать и убеждать нас в том, что эта смерть вполне закономерна. Может, задержим его на 48 часов, пусть подумает над своим поведением?

– Исключено. У нас на него ничего нет, а закон нарушать мы не будем.

– Кое-что есть. Утром поступило заключение эксперта по причинам уничтожения данных на сервере наукограда. В нём сказано, что инцидент произошёл в результате скачков напряжения электросети и не был связан с каким-либо вмешательством в информационную систему извне, в том числе с попыткой взлома со стороны Вирты. Я запросил питающую их электроэнергией подстанцию, они ответили, что никаких сбоев и скачков напряжения в то время они не зафиксировали. В заключении экспертов ещё говорилось о том, что в один из компьютеров, управляющих сервером, накануне вставлялся электронный носитель информации с конкретным идентификационным номером, попросту флешка. С неё открывался и распечатывался текстовый документ. Я запросил в наукограде сведения о владельце флешки, им оказался Собакин. В заключении сказано, что эта операция не внесла никаких изменений в информационную систему сервера, но мы-то с вами знаем, что именно эта флешка запустила процесс уничтожения записей с видеокамер и инсценировала его под сбой в электропитании.

– Согласен. У нас есть версия, что Собакин запустил вредоносную программу, созданную технологиями будущего, которые не могли быть обнаружены современными экспертами, но, как юрист, я понимаю, что это только наши догадки и они не подкреплены никакими доказательствами, – обречённо произнёс Григориус.

Прибыв на территорию, незваные гости снова прошли рутинные формальности, связанные с оформлением пропуска, после чего направились к зданию научных исследований искусственного интеллекта и нейроинженерии, где их уже ожидал, как всегда услужливый и почтенный, Собакин.

– Господа, рад вас видеть снова. Мне кажется, что скоро мы будем встречаться почти что каждый день. Чем могу быть полезен на этот раз? – с ироничной улыбкой произнёс он.

– Вчера ночью погиб ещё один ваш сотрудник.

– О да, я в курсе – великий и могучий профессор Кеплер. Весь интернет пестрит этой новостью. Он был учёным с мировым именем. Ещё бы, целый соискатель на получение Нобелевской премии по физике.

– Что можете сказать о нём? Были ли у него враги? Кто-либо мог желать его смерти? Поступали ли ему угрозы? Зачем кому-то надо было его убивать? – провокационно спросил следователь.

– А его разве убили? Насколько я знаю, он повесился.

– Наверное, тоже был сумасшедшим, как Ник и его коллеги по группе?

– Нет. Он был нормальным. Если это слово вообще может быть применимо к учёному, достигшему высот в науке. Но он хотя бы, как Ник, оккультными учениями не увлекался и в кострища с балахонами не играл. Просто стал жертвой трагических стечений банальных жизненных обстоятельств, которые и толкнули его на этот отчаянный поступок. Влюбился в молодую женщину, тратил на неё кучу денег, делал дорогие подарки. В итоге залез в долги. По настоянию этой юной особы переехал с ней жить в новую квартиру, которую купил в ипотеку. Думал, что расплатится с долгами после того, как получит Нобелевскую премию. Почему-то нисколько не сомневался в том, что получит её. Но что-то пошло не так – и премию присудили другому. Тут и невеста взбунтовалась, мол, хотела быть женой нобелевского лауреата, а не неудачника. В общем, бросила она его. Кредиторы, узнав, что премии не будет, а профессор находится на грани банкротства, тут же заявили свои требования и предъявили иски. Под тяжестью бытовых проблем он совсем сник и даже не мог заниматься научной деятельностью. Результаты исследований в установленный срок представлены не были, в связи с чем его лишили всех правительственных грантов. Очевидно, что старик не выдержал и свёл счёты с жизнью.

– То есть вы считаете, что четвёртый по счету труп в наукограде за три дня – это норма? Вам не кажется, что если так пойдёт дальше, то скоро науку двигать будет некому?

– Вы снова мистифицируете? Поверьте, асфальт наукограда – слишком неблагоприятная почва для прорастания зёрен оккультизма и мистики. Всё встаёт на свои места, если обратиться к сухой статистике. Девяносто процентов жителей городка – это труженики нашего учреждения. Их в своё время специально целыми семьями переселяли сюда, чтобы они жили поближе к работе. Больше половины из них – учёные, остальные – управленцы и технический персонал. Поэтому ничего удивительного в том, что умершие попали в статистическую группу учёных наукограда, я не вижу.

– Да, вы, как всегда, правы... всё аргументированно и логично... как же мы до этого сами не догадались... – усыпляя бдительность собеседника и подмигивая Валерьяну, произнёс следователь. – Не припомните, а за какое изобретение профессора Кеплера выдвинули номинантом на Нобелевскую премию?

– Конечно помню. Оно в своё время как гром среди ясного неба прогремело по небосклону научного мира и приобрело множество последователей... кстати, не только среди учёных, но и околонушной общественности. Его учение называется теорией информационных полей головного мозга. Как по мне, так очень сомнительная работа, хотя многие считают её новым словом в понимании основ мироздания.

– А почему он так и не получил премию?

– Основания банальны: отсутствие экспериментально подтверждённых доказательств научной гипотезы и скептицизм большинства членов нобелевского оргкомитета относительно практической применимости теории. Иными словами, она не была безусловно признана всеми ведущими учёными, поскольку проверить её достоверность на практике при современном уровне науки и технических средствах невозможно. Кстати говоря, по этой же причине Альберт Эйнштейн в 1908 году не получил Нобелевскую премию за теорию относительности. Проверить её на тот момент не представлялось возможным, да и никто не видел практической значимости в этой теории. Ему присудили премию только 17 лет спустя и совсем за другое изобретение. Возможно, что и нашему учёному, ушедшему в мир иной, присудят премию через

несколько десятков лет, когда наука безоговорочно признает его открытие и сможет внедрить в жизнь.

– Спасибо за информацию, вы нам очень помогли, – обречённо произнёс следователь, кинув на учёного хитрый злобный взгляд.

– Если больше нет вопросов, позвольте я провожу вас к выходу, – галантно произнёс Собакин и, не дожидаясь ответа, направился прочь, вынудив следователя и оперативника не раздумывая последовать за ним.

Выйдя из здания сектора научных исследований искусственного интеллекта и нейроинженерии, следователь оглянулся вокруг, чтобы ещё раз насладиться необычным архитектурным ансамблем городка и вкусить царившую в нём творческую атмосферу. Его внимание привлекло одно здание, которое явно выбивалось из современной, яркой, стильной и пафосной обстановки наукограда своей ветхостью и убогостью. Это была небольшая пристройка, обнесённая по периметру строительной сеткой. С её полуразрушенных стен осыпалась штукатурка, крыша отсутствовала вообще, а большинство стёкол было разбиты. Увидев, что следователь пристально смотрит в сторону этого оазиса разрухи, одиноко стоящего посреди экзотических барханов, чиновник тут же принял услужливый вид и поведал всю подноготную здания, дабы избежать множества сопутствующих наводящих вопросов и выводов.

– Это историческое здание, ему более 150 лет. Ранее в нём находилась научная библиотека, которая выступала в роли своеобразного центра научных знаний. Изюм всех окрестностей в неё приезжали люди, чтобы впитать в себя передовые идеи и достижения науки и техники. Поэтому властями было принято решение символично возвести научный городок вокруг этой библиотеки. У нас она считается, как говорится, нулевым меридианом.

– А что в этом здании сейчас? Можно нам пройти, посмотреть? – поинтересовался следователь.

– Сейчас там пусто. Библиотеку оцифровали и перевезли в центральный архив. Так как здание представляет культурную и историческую ценность, снести его мы не имеем права. Хотели отреставрировать и отвести под музей, но уже второй год нам почему-то не согласовывают проектную документацию. Как видите, в настоящее время сооружение законсервировано, поскольку имеется угроза обрушения его несущих стен. В целях безопасности вход в здание уже года два как запрещён, а дверь и калитка заперты и опечатаны. Где находятся ключи от них, я не знаю, поскольку при назначении меня на должность они уже были утеряны. Поэтому, к сожалению, мы не сможем пройти внутрь, – как всегда внятно, доходчиво и содержательно, пояснил Собакин.

Григориус давно заметил, что с некоторых пор подобные аргументированные и логичные утверждения, каковыми всегда богато изобилует словесный рацион Собакина, вызывали у него лишь подозрение и отторжение. Вот и на этот раз ласкающие слух длинные и стройные словесные конструкции, откровенно призванные поумерить его непраздный интерес к старой постройке, возымели скорее обратный эффект.

Дабы удовлетворить подогретое любопытство, Григориус подошёл к ограде и через небольшое отверстие заглянул во двор. Территория вокруг здания находилась в крайне неухоженном и запущенном состоянии. Всё вокруг поросло мхом и сорняками, которые местами достигали роста с человека.

Цепкий взгляд следователя снова уловил ряд несоответствий слов Собакина реальным фактам. Дорожка, ведущая от калитки ко входу в здание, была достаточно плотно вытоптана, а растущая по её периметру трава примята. На прилично проржавевшем корпусе замка калитки местами виднелись свежие царапины, какие обычно возникают от непопадания ключом в замочную скважину. Все эти следы свидетельствовали о том, что внутрь здания – вопреки утверждениям Собакина – всё же недавно ходили.

– Вы утверждаете, что вход в пристройку запрещён, но кто тогда протоптал дорожку и открывал замок? – спросил следователь, пронзив чиновника острой стрелой подозревающего взгляда.

– Что вы, быть такого не может. Наши сотрудники это место стараются обходить стороной. Возможно, это сделали духи.

– Уважаемый, вы же сами просили не мистифицировать.

– Это отнюдь не мистификация. По слухам, до возведения библиотеки здесь был могильник, в который много лет скидывали тела маньяков, мошенников, убийц и других уголовников, не удостоенных чести быть захороненными на обычном кладбище. А ещё поговаривают, что часто в нём грешников хоронили заживо в качестве наказания за их злодеяния. С тех пор и блуждают души всех этих мертвецов по зданию. Многие люди говорили мне, что часто слышали доносящиеся оттуда тихие стоны.

– Вы же учёный – и верите в это?

– Верю слабо, потому и подчеркнул, что всё это слухи, но в любом случае туда лучше не ходить, особенно в вечернее время, поскольку внутри много трещин в полу и даже нет освещения.

Следователь осмотрелся. Действительно вечерело, и на улице уже было недостаточно светло для того, чтобы блуждать по тёмным коридорам здания, полного неуспокоившихся душ грешников.

– Хорошо, вы меня уговорили, взламывать помещение и проводить в нём осмотр на этот раз мы не будем, – отшутился следователь и пошёл в сторону проходной наукограда.

Выйдя за пределы территории городка, рвущийся в бой Валерьян набросился на следователя с вопросами.

– Тебе не кажется, что стоило надавить на него, а не соглашаться с откровенным враньём, которым он нас кормил?

– Так вот в лоб не получилось бы. Он слишком хитрый и умный, чтобы расколоться на пустом месте. И доказательств для того, чтобы надавить на него, у нас нет. Ну даже если кто-то и ходил в эту старую пристройку, что с этого? Она же никак не связана с самоубийствами. Возможно, что Собакин и вправду не знает, что в здание кто-то ходит. Опыт показывает, что в ситуациях, когда нет железных зацепок, лучше не лезть на рожон, а усыпить бдительность, сделать вид, что веришь, и ждать, когда он ошибётся. Пусть думает, что мы ничего не подозреваем, и спокойно продолжает заниматься своими тёмными делами. А ты организуй наружное наблюдение и поставь его телефон на прослушку. Может быть, поймем его на чём-то противоправном и тогда уже надавим.

– Наблюдение? Как вы это себе представляете? Объект режимный. Чтобы следить за кем-то на его территории, человеку из «наружки» придётся каждый день получать пропуск... или нужно будет хотя бы согласовать вопрос его пребывания с руководством наукограда. А они тут же сообщат ему.

– Ты прав, «наружка» пока что отпадает. Когда начнётся операция по проникновению в Сириус, ты в любом случае краем глаза посматривай за ним. Если он связан со всеми этими смертями, то обязательно проявит активность – и мы уличим его.

Прибыв на работу и войдя в свой кабинет, Григориус подошёл к столу. На нём лежал тот самый злосчастный компакт-диск, который убил профессора Кеплера и едва не стоил жизни ещё двум людям. Следователь взял его и начал медленно гнуть, чтобы сломать пополам, однако быстро остановился и ослабил давление.

«Нет, я не вправе так поступить, надо оставить его для науки...» – подумал Григориус. С этими мыслями он поместил компакт-диск обратно в чехол, плотно обмотал его скотчем, приклеил стикер с надписью «Не вскрывать! Опасно для жизни!» и положил в свой сейф на самое труднодоступное место.

Неожиданно его взгляд упал на лежащие на полке неподалёку ключи от квартиры Ника. Григориус взял их и задумался. С одной стороны, ему очень хотелось осмотреть жилище Ника, поскольку расследование самоубийств зашло в тупик, а улики, находящиеся в квартире, могли бы сдвинуть его с места. С другой же, он никогда не нарушал закон. И делал это не из-за страха ответственности, а потому что придерживался принципиальных соображений, согласно которым нельзя посягать на то, что ты чтешь и защищаешь. Ему даже приходилось несколько раз одёргивать своих коллег, пытавшихся сбить его с пути следования этой моральной максиме, напоминая им народные поговорки про козла в огороде и лису, стерегущую кур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.